

Кому когда-либо приходило в Европе в голову, что есть на белом свете такая страна, где каждый шаг в жизни человека, малейший его поступок, особенно в домашнем быту, самое незначительное действие связаны с религиозными постановлениями и *не могут* быть иначе совершены, как по известной программе? В этой стране не только все крупные эпизоды жизни, все главные выдающиеся черты ее, как-то: зачатие, рождение, переход из одного периода жизни в другой, женитьба, родительское звание, старость и, наконец, смерть, но даже все ежедневные отправления, функции физические и физиологические, как, например, утренние омовения, туалет, еда *et tout ce qui s'en suit*^{1,2} – все это должно быть исполнено по установленному браманами шаблону *под опасением отлучения от касты*. Браманов можно уподобить музыкантам оркестра, в котором разнохарактерные инструменты³ представляют бесчисленные секты этой страны. Все они различной формы, разнятся и в звуках; тем не менее, все подчинены одному и тому же капельмейстеру⁴.

Насколько бы эти секты ни отличались одна от другой в толковании своих священных текстов и как бы враждебно ни относились они друг к другу, стараясь выставить вперед и возвысить над прочими каждая свое божество, но все они и каждая из них, слепо повинувшись веками установленным обычаем, обязаны следовать, как музыканты, одному дирижерскому жезлу – законам Ману. На одном этом пункте они сходятся и составляют единомышленную, единомыслящую общину, крепко, неразрывно связанную массу. И горе тому, кто в этой общей симфонии произвольно или даже нечаянно сфальшивит! Старшины (должность у индусов наследственная) и выбираемый пожизненно верховный совет каждой касты или даже суб-касты (коих множество) держат членов своей общины⁵, что называется, в «ежовых рукавицах». Их решения безапелляционны и поэтому-то исключение или по принятому выражению «отлучение» от касты является одним из самых страшных наказаний, влекущим за собою ужасные последствия. «Отлученный» хуже прокаженного, так как солидарность между кастами, особенно в этом отношении, нечто феноменальное и может сравниться разве лишь с солидарностью сынов Лойолы⁶. Если при самом строгом соблюдении всех требований члены двух разных каст, хотя бы и связанные самыми горячими чувствами взаимного уважения и дружбы, не могут не только⁷ вступать между собою в брак или вместе обедать, но даже и выпить, принять стакан воды друг у друга или же выкурить вместе кальян, то понятно, насколько строже соблюдаются подобные запрещения касательно «отлученного». Несчастный в полном смысле слова *умирает* для всех: для своих столько же, как и для чужих. Даже собственное семейство: отец, мать, жена, дети обязаны или отвернуться от него, или же быть, в свою очередь, отлученными. Нет надежды на замужество его дочерей, на женитьбу сыновей, как бы ни были дети⁸ неповинны в наказуемом грехе...

С минуты «отлучения» индус как бы исчезает для всех любивших и знавших его. Его мать, жена, дети не смеют накормить его, ни даже позволить напиться из домашнего колодца. Никто из прежней касты, тем⁹ менее из других, ни за какие деньги не осмелится ни продать ему, ни приготовить для него пищу. Ему буквально приходится или умереть с голоду, или же еще более *осквернить* себя, покупая необходимое у *безкастников* или у европейцев. Во времена браманской власти приказывалось обманывать и обворовывать «отлученного», даже убивать его, так как он был *вне* закона. Теперь он, конечно, безопасен от последнего; но теперь, как и тогда, если по воле

¹ и все, что за этим следует (*фр.*).

² В «Московских ведомостях» далее: со дня рождения до последнего вздоха.

³ В «Московских ведомостях»: Браманическая Индия может быть уподоблена огромному оркестру, разнovidные и разнотонные инструменты которого.

⁴ Капельмейстер – руководитель хоровой капеллы или оркестра.

⁵ В «Московских ведомостях»: Разделенные на касты, подразделенные в свою очередь на многочисленные *суб-касты*, их старшины (должность у индусов наследственная) и выбираемый пожизненно верховный совет каждой такой касты держат своих членов.

⁶ Игнатий де Лойола (1491–1556) – католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов).

⁷ В «Московских ведомостях» далее: что.

⁸ В «Московских ведомостях»: сыновей, насколько бы дети ни были.

⁹ В «Московских ведомостях»: касты – тем.

судеб ему случается умереть до своего прощения и возвращения в касту, для него нет ни священного костра, ни обрядов очищения: «мэнги»¹⁰ бросают его в кусты или в воду какдохлое животное...

Понятно, что против такой силы – она тем страшнее в своей пассивности, что против последней закон совершенно бессилён, – не помогут ни западное воспитание, ни английское влияние. Остается одно: каяться и подчиняться всевозможным унижениям, а благодаря алчности браманов иногда и полному разорению. Я знаю лично несколько браминов, кончивших самым блестящим образом курс в английских университетах, которые, вернувшись на родину, вынуждены были подвергнуться всем отвратительным требованиям «очищения», а именно: сбривать половину усов и бровей, ползать голыми на животе вокруг пагод, держаться по часам за хвост священной коровы, читая молитвы, и, наконец, есть испражнения этой коровы¹¹! Путешествие за море (*калапани*¹², то есть¹³ за «черную воду») считается самым тяжким из грехов и требует, вследствие этого, самых строгих очищений. На совершившего такой поступок¹⁴ взирают как на человека, который от самой минуты отъезда на корабле *беллати* (иностранцев) до минуты возвращения осквернялся постоянно... Всего несколько дней тому назад один наш знакомый, доктор юриспруденции, блистательно окончивший курс в Англии, вынужден был пройти чрез подобное «чистилище» и чуть с ума не сошел. На наше замечание, для чего же ему подчиняться всему этому, если, по собственному сознанию, он давно перестал верить в браманизм и сделался ярким «материалистом», он нам привел причины, против которых возражать было невозможно. «У меня в доме две дочери (говорил он), одна пяти, другая шести лет; если я их не выдам замуж, особенно старшую, в продолжение этого года, то их станут считать перезрелыми и на них уже никто не женится. Допустив, чтобы меня отлучили, я их этим обещею, поставлю в невозможность найти мужей и сделаю¹⁵ их навеки несчастными. Затем старуха-мать¹⁶ до того суеверна, что вследствие такого семейного позора непременно покончит с собою: она уже не раз грозила мне самоубийством»... Но, быть может, заметят нам: почему бы ему, человеку образованному, разом не разорвать всякую связь с браманизмом и кастой? Почему бы не соединиться с другими товарищами в подобном ему положении? Забрав семейство и всех ему близких, не перейти целою колонией на сторону цивилизации, присоединиться к европейцам?

Вопрос весьма естественный, но и ответ на него далеко не затруднителен. Как в знаменитом ответе одного маршала Наполеону¹⁷, из тридцати двух приведенных им причин, почему нельзя было атаковать некоей крепости, первою причиною являлось отсутствие пороха, так что о других причинах и спрашивать было нечего, так и из многих причин, почему для индуса немыслимо *объевропеиться*, – первая должна оказаться совершенно достаточною и, конечно, не потребует указания остальных. Разрубив Гордиев узел¹⁸, индус не только не помог бы горю, но попал бы прямо из огня да в полымя. Будь у него семь пядей во лбу, будь он в науке соперником какого-нибудь Тиндаля, в политике равен Дизраэли и Бисмарку¹⁹, принадлежи он к знатнейшему роду, –

---

¹⁰ В «Московских ведомостях»: «манги».

¹¹ Называется *панч-гайя*, дословно «пять коровьих» (принадлежностей): смесь из молока, масла, сыворотки, мочи и экскрементов. <В «Московских ведомостях»: экскрементов...> – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹² *Хинди kālārānī*.

¹³ В «Московских ведомостях»: т.е.

¹⁴ В «Московских ведомостях» далее: справедливо.

¹⁵ В «Московских ведомостях»: Допустив себя быть отлученным, я их этим обещею, ставлю в невозможность найти мужей и делаю.

¹⁶ В «Московских ведомостях» далее: которая.

¹⁷ Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император (1804–1814, 1815), полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

¹⁸ Гордиев узел – чрезвычайно сложный узел, завязанный, согласно древнегреческой мифологии, фригийским царем Гордием, а впоследствии рассеченный мечом Александра Македонского. В переносном смысле выражение «гордиев узел» означает всякое запутанное сплетение обстоятельств, а выражение «разрубить гордиев узел» – разрешить какое-либо сложное, запутанное дело, какие-либо затруднения прямолинейным способом.

¹⁹ Отто Бисмарк (1815–1898) – первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии.

как только он отрекается от своей касты и соотчичей, так разом становится в положение гроба Магомета²⁰: говоря метафорически, он повиснет между небом и землей!..

Мудрая поговорка: «от своих отстал, а к чужим не пристал», кажется, сложена нарочно для этого злополучного народа. Напрасно воображают, будто отстранение как индийцев-магометан, так и индусов²¹ от гражданской службы есть лишь результат несправедливой, трусливой политики, боящейся привлечения своих заклятых врагов к управлению страной. Общественный остракизм и совершенно откровенно выказываемое со стороны англичан враждебно-презрительное чувство «вышей» к «низшей» (по английским понятиям) расе играет в этом вопросе гораздо более серьезную роль, нежели²² предполагают даже в Англии. Это незаслуженное презрение, выказываемое²³ при всяком случае туземцам (включая тут и мусульман), с каждым годом²⁴ расширяет между двумя нациями пропасть, которой им²⁵ веками не засыпать. Приведу два примера.²⁶

Мы гостили у одного весьма влиятельного здесь лица, редактора английской газеты, и имели случай познакомиться с одним чрезвычайно замечательным мусульманином, молодым человеком из высшей туземной аристократии Сеидом М. Что туземец принят в доме, посещаемом всем местным английским *beau monde*²⁷, объясняет[ся]²⁸ двумя причинами: во-первых, мистер С***²⁹ далеко не заурядный англичанин, а джентльмен в полном смысле этого слова; во-вторых, этот курьез, как нам кажется, можно отчасти объяснить тем, что Сеид М., не в пример прочим, носит европейское платье, воспитывался в Англии и человек не только талантливый, но вдобавок сумевший заставить даже англичан уважать его. Горячий патриот, он бросил адвокатуру, обещавшую ему громкое имя и еще большее³⁰ состояние, и перешел в гражданскую службу, приняв место судьи в незначительном округе из-за одной надежды, по его словам, «хоть сколько-нибудь улучшить политическое и общественное положение туземцев». Единственный, быть может, пример между индийскими мусульманами, он не делает разницы между моголами и индусами и одинаково горячо защищает интересы обеих рас. Его любовь к индусам даже чуть ли не горячее привязанности к одноверцам: мать Сеида была перешедшею в мусульманство браминкой...

– Все мы, туземцы, дети одной и той же несчастной матери нашей, Индии, – говорил он нам недавно, выражаясь привычным ему восточным и весьма поэтическим слогом. – Сыны одной горькой участи, мы должны³¹ дружно нести ее, а не растревлять наболевшие язвы распрями между двумя фанатическими религиями.

Это говорилось вследствие только что происшедшего публичного в Бенаресе побоища между моголами и индусами во время и по случаю религиозных празднеств у первых.

Сеид М. заезжал к нам каждый день и обыкновенно тотчас же заводил беседу о «болячках» Индии, как он их называл, и по целым часам, бывало, спорили – С*** отстаивая англичан, М. доказывая угнетенное положение туземцев, несправедливость к ним англо-индийского общества и невыносимое высокомерие британцев в Индии. Раз у них зашел спор горячее обыкновенного по поводу только что вышедших в Калькутте новых гражданских служебных постановлений. М.

---

²⁰ По преданию, гроб с телом пророка Магомета висел в пространстве без всякой поддержки.

²¹ Европейцы весьма часто впадают в ошибку, смешивая индийских мусульман с *индусами*. Первые даже оскорбляются этим названием и зовут себя индийскими *моголами*. Те – семиты, а индусы – арийского племени и разнятся от них <В «Московских ведомостях» выражение «от них» отсутствует> во всем. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²² В «Московских ведомостях» далее: то.

²³ В «Московских ведомостях»: незаслуженное чувство презрения, показываемое.

²⁴ В «Московских ведомостях»: мусульман) ежегодно.

²⁵ В «Московских ведомостях» далее: и.

²⁶ В «Московских ведомостях»: примера:

²⁷ бомондом, высшим светом (*фр.*).

²⁸ В «Московских ведомостях»: объясняется.

²⁹ Речь идет об Альфреде Перси Синнетте (1840–1921), английском журналисте, писателе, редакторе газеты «The Pioneer» (Аллахабад, Индия) в 1872–1882 гг., президенте Лондонской ложи Теософского общества. Е.П.Блаватская впервые гостила у Синнетта в Аллахабаде в декабре 1879 г.

³⁰ В «Московских ведомостях»: большее.

³¹ В «Московских ведомостях»: участи, наша обязанность.

спрашивал, почему, например, из двух чиновников, англичанина и туземца, в совершенно равных чинах и занимающих совершенно одинаковые должности (окружного судьи, например), англичанин получает на 35, а иногда с разными натяжками и на³² 60 процентов более годового оклада, нежели полагается на той же должности туземцу? Первому выдаются для летней кочевки экстренные суммы, так называемые «лагерные», каждый год «вспомогательные», а туземцу *ничего*, кроме жалованья? «И ведь все это из денег Индии (добавил он), то есть из кровавого пота несчастной дойной коровы Англии, коровы уже до того передоенной, что следует только удивляться, как у ней до сих пор не отвалилось вымя»...

Припертый таким образом к стене, С***, блестящий писатель и такой же оратор, знакомый с политическим направлением калькуттского кабинета, как с собственным карманом, не нашелся что на это ответить и сказал парадоксальную глупость: «Не забудем (пробормотал он), что *мы* в этой стране *изгнанники*; что вы, индийцы, по вашему же собственному сознанию, нуждаетесь в нас и *что было бы несправедливостью заставлять нас служить вашей стране без хорошего вознаграждения*. Вы, туземцы, обязаны платить нам; наши нужды, наконец, более ваших»...

У М. от изумления даже опустили руки.

– «Изгнанники»?.. – воскликнул он, наконец. – Вы изгнанники? Да кто же вас просил приезжать сюда из-за морей спасать нас! Неужели...

Но он не докончил. Под перекрестным огнем наших изумленных взглядов, при этой комической выходке сам С*** расхохотался над самим собою... Он, видимо, старался замять этот щекотливо-политический разговор. Но М. не унимался; очевидно, у него сильно накипело на сердце, и он через несколько минут снова повел атаку.

– Вот, – заметил он, – мы с вами старые друзья и вы принимаете меня как равного. Но ведь это не потому, что мои прадеды были в продолжение стольких веков первыми сановниками Могульской империи или что мы ведем свой род прямо от дочери Магомета... А просто от того, что я в Англии сделался более или менее похожим на *джентльмена*, что я ношу черный фрак и при случае даже палевые перчатки. Иначе и в туземном костюме, хотя он³³ красивее ваших черных мешков, вы стыдились бы принимать меня, тем более³⁴ сажать за свой стол.

И на горячий протест хозяев он прибавил:

– Не спорьте, С***; а главное, не отвечайте за других, так как я вам сейчас же докажу, что вы неправы и что есть между вами лица, в глазах которых даже мой черный фрак не спасает меня. Вчера, например, лэди³⁵ К.³⁶ не приняла моего визита. Это бы еще ничего. Но знаете ли, что она приказала сказать мне через секретаря лорда К., ее супруга? Фраза знаменательная, уже облетевшая весь город и обрисовывающая в нескольких штрихах наше политическое и социальное положение. Она приказала мне передать свое «удивление»... Я должен был знать, что лорд К., ее высокородный супруг и мой начальник, три дня тому назад уехал из города, а что «жены» сановников ни в Англии, ни в Индии не имеют обыкновения принимать визиты «по службе». Иными словами, что ей и в голову не могло придти, чтобы туземец «осмелился» сделать английскому семейству визит наравне с другими смертными, кроме разве по *служебным обязанностям*.

– Лэди К. этим показала только свою природную глупость, – вспыхнула мистрис С***³⁷. – Никто, кроме нее³⁸, не сделал бы вам подобной дерзости.

– Совсем нет, – отвечал, по-видимому, спокойно мусульманин. – Делали мне весьма часто и другие ваши дамы, и даже их мужья, мои собственные сослуживцы, такие же ничем не вызванные дерзости. – И он назвал несколько имен. – А если я, в моем исключительном для туземца

³² В «Московских ведомостях»: до.

³³ В «Московских ведомостях»: костюме, как он ни.

³⁴ В «Московских ведомостях»: менее.

³⁵ В «Московских ведомостях»: леди.

³⁶ Кэрлайн Пенелопа Купер (?–1910) – жена Джорджа Эбенезера Уилсона Купера (1824–1908), британского государственного служащего в Индии, лейтенант-губернатора Северо-Западных провинций и главного комиссара Ауда (1877–1882).

³⁷ Пейшенс Синнетт (1844–1911) – жена А.П.Синнетта.

³⁸ В «Московских ведомостях»: ее.

положении, подвержен таковым, то чего же приходится ожидать другим, менее фаворизованным судьбой и правительством туземцам?

Он сидел нагнувшись над чашкой и говорил тихо, по-видимому, сохраняя полное хладнокровие. Только ложечка, которою он машинально постукивал о блюдечко, слегка дрожала в его руке да черные глаза налились кровью и пылали...

– За Англию, которая меня воспитала, – продолжал он тем же тоном, – за правительство, которому я присягал в верности и которому служу, я готов отдать, ради моей же возлюбленной Индии, жизнь. Мы как народ неспособны теперь управлять страной без чужой помощи, это я знаю, хотя, худо ли, хорошо ли, а управляли ею веками, и страна была и богаче, и счастливее. Но я сознаю, что теперь, за последнее столетие, мы выродились и что помощь Англии нам необходима. Но если я присягал в верности правительству, то не делал еще ничего подобного в отношении к обществу и частным лицам... и я *ненавижу их!*.. Помните мои слова: если Англии когда-нибудь снова придется бороться с мятежом, то этому виной будет единственно английское же общество; и случится это вследствие до бешенства доводящего туземцев презрительного высокомерия посылаемых сюда ваших чиновников. Нам все твердят о тирании и деспотизме России; нас пугают жестокостью ее правительства. Да знаете ли вы, что на это отвечают хоть бы наши мусульмане, потомки султанов, сердарей, героев и величайших государственных людей прошлых веков? Они говорят следующее: да, быть может, администраторы России и жестоки и ее правительству не сравниться с «благодушным» правительством ее величества императрицы Индии. Но когда мы читаем и слышим со всех сторон, что в России такой-то генерал – *мусульманин*³⁹, другой – армянин и, несмотря на это, главнокомандующий целою армией⁴⁰, между тем как у нас последний английский солдат скорее дезертирует, нежели согласится повиноваться и признать начальником *туземца*, будь последний⁴¹ хоть принц крови, то, сравнивая нашу горькую участь с судьбой и надеждами каждого верного России иноверца и иноплеменника, у нас невольно шевелится на душе вопрос: чем же это мы одни заслужили подобные унижения? Почему это только нас одних держат в черном теле? И в безмолвном отчаянии сознавая всю безвыходность нашего положения, нельзя нам подчас и не позавидовать положению нашего брата-мусульманина – в так называемой вами *деспотической России*⁴²!..

---

³⁹ Генералы-мусульмане составляли 2% от российского генералитета.

⁴⁰ Всего в период существования Российской империи в русской армии было около 1300 генералов, из которых 132 генерала (10%) были армянами по национальности.

⁴¹ В «Московских ведомостях»: он.

⁴² «– Да! Мне пишут, что пьянство, покровительствуемое правительством, сильно распространяется не только в Индии, но и на Цейлоне, где прежде о крепких напитках и не слыхивали, – сказал художник, оскалив улыбкой свои белые зубы.

– Правительство, быть может, поощряет распространение джина и виски, без которых ведь вы, англичане, не можете нигде обойтись; почему же не препятствуют их употреблению народом власть имеющие туземцы, те же правительственные лица, но из ваших соотечественников? – сказала одна русская дама, мало, как видно, знакомая с порядками в Британских владениях.

– Что такое? – протянула хозяйка дома, расхохотавшись.

И все выходцы из заокеанной Британской империи расхохотались вслед за ней; а природные индусы печально потупились.

– Кто когда-нибудь слышал о правительственном лице из индусов? – продолжала Блаватская. – Да разве правительство королевы Виктории допустит такое унижение?.. О, всероссийская наивность!.. Вы думаете, что у них так же, как у нас!.. Да никогда индус, будь он хоть семи пятей во лбу, дальше нижнего чина не вылезет.

– Позвольте! – прервал ее полковник Гордон. – Неужели у вас в России буддисты и магометане достигают больших чинов?

– Почему же нет, если они служат? Есть множество татар, калмыков и нагайцев – генералов русской службы.

Индусы открыли изумленные глаза и смотрели, словно ушам своим не веря.

– Быть может, они меняют веру, вступая на службу? – заметила м-рс Гордон.

– Никогда! – горячо возразила Блаватская. – Наша варварская страна повеликодушнее вашей гуманной Великобритании.

– У нас и ордена есть особые – знаки отличия, установленные для нехристиан. Мусульман у нас в службе пропасть, особенно в военной! – сказала русская дама.

– Да и буддистов немало! Ведь, ногайцы и калмыки все буддисты, – заметила другая.

– И они могут достигнуть генеральства? – недоверчиво осведомился один из индусов.

– Без сомнения, могут и достигают совершенно наравне с русскими православными, – отвечали мы.

– Не думайте, чтобы в России притесняли русских поданных иноверцев! – вскричала Блаватская, с особой радостью всегда выставляющая преимущества своего покинутого отечества пред другими странами. – У нас веротерпимость полная не на одних словах! И, Божьею милостью, миссионеры никому ножа к горлу не приставляют, как в ваших колониях.

– Но... может быть, такие факты – редкие, особые исключения? – неуверенно допрашивал даму один из молодых индусов.

– Нисколько!.. Все мы знаем десятки генералов-магометан...

– Вероятно, по званию только?.. Им дается генеральство как отличие... в особое поощрение! – заговорили англичане. – Не может быть, чтобы им при этом давались власть и генеральские места?

– Как!.. Да на Кавказе множество генералов из татар командуют отдельными частями. Во время последней войны с Турцией мой сын служил в полку, которым командовал мусульманин! – протестовала я.

– И ваше правительство не боится отдавать в распоряжение мусульман свои полки?

– И солдаты, и офицеры христиане повинуются иноверцам?

– Да еще в войне с их единоверцами-турками! Это крайне рискованно!

– И вы можете назвать этот полк и его татарина-командира? Вы могли бы также назвать ваших генералов из нехристиан? – посыпались на нас восклицания и вопросы европейцев и бронзовых детей Индии, изумленных нашими словами.

Конечно, мы постарались всем ответить, всех удовлетворить.

Пораженные индусы вынули свои записные книжки и усердно записали данные нами им имена полковников и генералов нехристиан, состоящих на русской службе...

– Это мы покажем! Мы про это расскажем своим! – задумчиво повторили они, покачивая многозначительно головами.

– А еще нам рассказывают, что русские – безжалостные тираны... что владычество над нами англичан – легкое перышко в сравнении с железными тисками, налагаемыми русским правительством на подвластных им иноверцев! – шептал нам один из индусов, пока остальное общество вело шумный разговор о том же предмете.

– Если в одном справедливость, то и во всем она должна быть! – вслух размышлял другой.

– А скажите, – возвысил голос индус, кандидат на судебную должность, – выказывают русские правители уважение чуждым вероисповеданиям, вообще?

Мы отвечали, что, насколько нам известно, и правители, и вообще образованные русские люди относятся почтительно к каждой вере и к каждому храму, будь то мечеть, капище огнепоклонников или даже синагога...

– Нет! Не то, – задумчиво прервал нас законник, – фанатизм и предрассудки не могут не существовать в массах; но поощряются ли в вашей стране *правительством* оскорбления верованиям людей, не принадлежащих к господствующей религии?.. Позволят ли, например, какой-нибудь купеческой фирме в России взять себе торговой маркой (а trade-mark) какой-либо религиозный символ, – изображение Магомета, например?

Мы восстали в один голос. Ни наши думы, ни купеческие управы никогда не утвердили бы такой марки.

Индус печально повернулся к Гордону, Мёллю и другим англичанам.

– Как же вы, господа англичане, так охотно говорите о варварстве и деспотизме русских? Так высоко превозносите свой либерализм и свою гуманность, а между тем поощряете подобные оскорбления верованиям и национальным чувствам нашим! – сказал он, вынимая из кармана номер одной из больших индийских газет. – Посмотрите! Чье это изображение? – прибавил он, подавая номер хозяйке дома.

– Будды! – ответила она, взглянув. И все ее гости, склонившись над ней, подтвердили то же. – Но что ж это такое?

– А вот не угодно ли прочесть, какой скандал произошел в Бомбее из-за того, что компании англичан, торговцев чаем, вздумалось взять своей trade-mark изображение великого преобразователя, чтимого 500-ми миллионами людей...

И он прочел статью о глубоком негодовании, чуть ли не народном возмущении, произведенном самодурством одной купеческой фирмы, которую начальству вздумало поддерживать к великому скандалу всех здравомыслящих людей... Чтение это вызвало всеобщее искреннее негодование; но выражение лица молодого индуса-ведантиста меня положительно испугало, – такой глубокой злобой исказились его характерные черты и так *пожелтело* его коричневое лицо!..

– Ну, если бы таких, как этот, было много в Индии, – сказала я, наклонившись к Блаватской, – несдобровать бы там британскому престижу.

– Но, к счастью королевы Виктории, таких немного! – ответила она. – Магометанское население способней возмутиться, чем эти бедняки.

– По трусости? – спросила я.

– Отчасти... Но нет! Скорее из-за фанатизма, которого не искоренишь. Каждый буддист твердо верит, что он живет в фатальном периоде; что наступил *кали-юг* – «черный век», в продолжение которого всем суждены испытания и горе, которые не в силах отворотить сам великий Парабрам. «Надо смириться и терпеть *все*», – говорят они и терпят!» (*Желиховская В.П.* Два вечера с лондонскими индусами // *Новости и биржевая газета*, 1889, №237, 29 августа; см. также: <http://art-roerich.org.ua/blavatskaya/articles.html>).

В этом фрагменте упоминается сын В.П.Желиховской Ростислав Николаевич Яхонтов (1858–1824) – генерал-майор (1917), который в 1876–1904 гг. служил в 15-м драгунском Тверском полку (с 1891 г. 43-й драгунский Тверской

Второй пример. Семейство одного известного и очень ученого доктора медицины в Бомбее, уроженца Гоа, по фамилии португальца. Уже более трех поколений они христиане-католики, но прадеды, как мужа, так и жены, были чистокровными высокорожденными браманами. И муж, и жена⁴³ воспитывались за границей и получили превосходное образование. Муж – кавалер⁴⁴ нескольких почетных орденов, член многих ученых обществ и находится на хорошем счету в Азиатском Королевском Обществе. Жена, молодая двадцатилетняя женщина, превосходно образованная, обладает восхитительным голосом. *Ни тот, ни другая в обществе не приняты.* На их музыкальных вечерах по вторникам, кроме нескольких журналистов из европейской *богеми*, не найдется ни одного лавочника-англичанина; из дам, положительно, ни одной. «Помилуйте, – завопят либеральные барыни и барышни⁴⁵, юность которых, быть может, протекла в какой-нибудь задней лавке Оксфордской улицы, – помилуйте! Кто же водит знакомство с подобными *неграми?*»...

Чем-то странным,⁴⁶ чудовищно невероятным покажется нашим русским читателям следующий замечательный факт: главною преградой между этим экс-браманским⁴⁷ семейством и чванным англо-индийским обществом является их *обращение в христианство*, хотя и насильственное, как все такие обращения последних двух веков в португальской Гоа, где их крестили между тюрьмой и инквизицией с ее рафинированными пытками. Не потому, что они католики, а просто по той причине, что они *некогда были индусами* и что в них, как презираемых мулатах Америки, течет, по выразительной терминологии здешнего высокообразованного общества, «хамова кровь»; потому что они потомки «низшей» расы (half-castes) и наравне с «юразиями» (Eurasians, то есть евр-азиаты⁴⁸, имя, образовавшееся из слияния Европы и Азии) равно презираемы как туземцами, так и христианами-европейцами. Будь они чистые идолопоклонники-индусы, парсийцы или сыновья Пророка магометане, то раза два⁴⁹ в год они еще имели бы шанс быть приглашенными на один из тех балаганных балов в «правительственном доме», когда этот дом, как бочонок с сельдями, набивается многими тысячами туземцев, которые наравне со стенными украшениями ставятся кругом в несколько рядов и затем забываются⁵⁰.

Ради яснейшего понятия о туземцах Индии мы здесь распространились об этом вопросе, быть может, более, нежели следовало; как бы то ни было, но злополучные индусы ввиду всего этого предпочитают временное унижение и все страдания «очищения», как физические, так и нравственные, подобной перспективе общего презрения до самой смерти.

Множество подобных вопросов занимало нас в продолжение тех двух часов, которые⁵¹ нам пришлось высидеть до⁵² обеда с браманами. Это, как казалось с первого взгляда, опасное, почти невозможное отступление от предписаний Ману – обед с иностранцами и людьми других каст – объяснялось на этот раз просто. Во-первых, толстый *патель* был *главою* своей касты, поэтому не боялся отлучения; во-вторых, он заранее принял все предосторожности и предписанные законом меры, дабы не *оскверниться* нашим присутствием; а в-третьих, либерал в душе и приятель Гулаб-Лал-Синга⁵³, он обещал ему показать нашему обществу на деле, сколько софизма и тонких уловок придумано хитрыми браманами, дабы, сохраняя на вид мертвую букву закона, в то же время ловко вывертываться при экстренных случаях из-под его железной руки. К тому же, он сильно желал, наш добродушный жирный хозяин, получить диплом от нашего общества и присоединиться к

полк). Его командир – Мирза Гаджи-бек Новрузов (1832–?), азербайджанец, генерал-майор (1878), генерал-лейтенант (1896), командовал 15-м драгунским Тверским полком (1875–1878), участвовавшим в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

⁴³ В «Московских ведомостях»: Оба.

⁴⁴ В «Московских ведомостях»: Муж, кавалер.

⁴⁵ В «Московских ведомостях»: миссы.

⁴⁶ В «Московских ведомостях»: И странным, чем-то.

⁴⁷ В «Московских ведомостях»: экс-браманским.

⁴⁸ В «Московских ведомостях»: евр-азиаты.

⁴⁹ В «Московских ведомостях»: раз, два.

⁵⁰ В «Московских ведомостях»: затем – забываются.

⁵¹ В «Московских ведомостях»: что.

⁵² В «Московских ведомостях» далее: появления.

⁵³ В «Московских ведомостях»: Гулаб-Лалы-Синга.

числу членов оного. Он слышал, что полковник О., главный «коллектор» (сборщик податей) его округа, принадлежал к «американскому обществу», и поэтому искал, быть может, прислужиться нам.

Таковы были, во всяком случае, объяснения нашего *бабу* в ответ на выраженное нами удивление. Нам оставалось, стало быть, только возрадоваться редкому случаю и не упустить оного. Кто раз был допущен не только разделить, но даже присутствовать при обеде брамана, тот становится⁵⁴ как бы священным в его глазах. Не только сам хозяин, но даже все члены касты его взирают на такого счастливца как бы на принадлежащего, по крайней мере, *de jure*⁵⁵ к их касте. Но зато как редки, почти невозможны такие случаи!..

---

⁵⁴ В «Московских ведомостях»: делается.

⁵⁵ по праву (*лат.*).